

International

Literary

magazine

АНДРЕЙ ГУЩИН ПOKPOBA

Андрей
ГУЩИН

ПOKPOBA

и другие стихотворения

БИБЛІОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Андрей
ГУЩИН

ПОКРОВА
и другие стихотворения

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2023

УДК 821.161.8'24-7
Г-63

СЕРІЯ «Бібліотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована у 2023 році

Гущин А.

Г-63 Покрова и другие стихотворения / А. Гущин — Друкарський
двір Олега Федорова, 2023 — 80 с.

ISBN 978-617-8252-22-9

В настоящую книгу вошли новые стихи киевского поэта
Андрея Гущина, а также поэма «Покрова», посвящённая Л. Гу-
банову.

УДК 821.161.8'24-7

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)
ISBN 978-617-8252-22-9

© Гущин А., 2023
© Федоров О.М., видавець, Київ 2023

ПОКРОВА

Поэма

2022

ПОКРОВА

Л. Губанову

I. ЖИВОЙ ЖУРНАЛ

В «Живой Журнал» рассеянно пишу
Слова горячие, как сдобные ватрушки.
Отшельничество — это не игрушки,
Поэтому отчаянно спешу
Запечатлеть на мысленном холсте
Богатство красок, перелом событий —
Выходит косо осень во Христе,
Убогое юродство общежитий
И пара-тройка прочих тем,
Не стоящих упоминания,
Рождающихся в полной темноте,
Затерянных в пучине подсознания.

Упрямые не гаснут фонари —
Раскольничьего века декабристы.
Переливается цыганское монисто
Едва забрезжившей зари.
Заутра встав, заправивши кровать,
Идёт служитель церковь отпирать,
Ему подмигивают сонно подворотни.
Сегодня холодно. Святая Покрова.
И непонятные звучат слова
Про «хлеб животный».

Вот чёрная, как зебра, полоса.
Чертановского чёрта голоса.
Электропóезда гудок протяжный
И вавилонский бум многоэтажный.
Огни Москвы все дальше от меня,
Тощавой юности отчаянные годы.
Другая бегаёт вприпрыжку ребетня.
И кажется порой — мы антиподы.

II. ГЕНИЙ ЧИСТОЙ ПУСТОТЫ

Покровка. Покровá. Саров.
Как горло к кому подкатило!
Грядёт неведомая сила.
Я литься через край готов.
В потусторонние сады
Шагает по проселкам ветер.
И вечер сиволапый светел,
Святее сельтерской воды.

И на коленях городá
Стоят, умильно Богу молятся,
Завмаг сгорает от стыда
Перед раскрашенною Троицей.
Ему грехи замнет январь,
В Сибирь дремучую ссылая,
Ссылаясь на блаженства Рая —
Любви господней киноварь.

Как гений чистой пустоты —
Осиротевшая природа.
Солома собрана в гурты.
И выше выброс углерода.

Кто у кого на Новый год
Разложит все раскладушку,
Взобьет тяжёлую подушку
И беспробудным сном уснёт?

Листвы узорная парча.
Её недаром повенчали
С голубоглазою печалью.
А сердце за семью печатями.
И льется кровь разбитых луж
На ваши острые колени.
Я взялся бы за этот гуж,
Но до весны засватан ленью.

Ревут холодные ветра.
И светят месяцы медовые.
Берет осенняя хандра
В охাপку головы бедовые.
Свисает солнце с потолка,
Как адское паникадило,
Течёт молочная река,
А киселя и не хватило.

Струится синий свет осенний,
Воспетый жалостно Арсением
Или Есениным — не важно —
В издании малотиражном.
А жил такой и был таков
С трезвоном в сорок сороков,
Как захмелевшая распутица,
Что с неба к вам однажды спустится.

Рассвет ложится на ресницы
Мазками кисти Рафаэля.
«Неповторимо» — скажет время.
Оно-то знает, что случится
Не понаслышке. И однажды
Ты в дверь мою не постучишься.
Я тот же худенький парнишка,
Лишь временем обезображен.

Прольётся на поля елей.
Сойдёт увядшая зеленка.
Порвется все, что было тонко,
Под клич печальный журавлей.
И брызнет красками на холст
Зимы фисташковое солнце.
Оно в лицо тебе смеётся,
И чепчик на затылок сполз.

Вениров незабвенный свет,
Монастыри излили душу.
А в подворотнях бьют баклуши,
Моноциклист летит в кювет.
О, трепыханье мотыльков
И сельских жителей застолье!
Душе истерзанной раздолье.
Октябрь светлый был таков.

III. «ПУШКИН — ЧЕРТ ГОЛУБОГЛАЗЫЙ...»

Покрова на Нерли, где я не был
И не буду, скорее всего.
Боголюбовы эти дебри,
Убаюканные совой

И кукушкой. Вам кукиш с маком —
Ничего из царских даров.
Заливные луга, буераки,
Медуница, болиголов.

Мы ходили в сонный лес гуляти.
Жёлтое шуршало покрывало.
И просил я поцелуя Христа ради.
Милостыни ты не подавала.
Нищим никогда не подавала,
Отдавала сразу все послушно.
Ничего в любви не понимала.
Ничего и понимать не нужно!

Девки черноокие обнимут.
Загляну в их омуты бездонные.
У бездомных их Царя отнимут
И киоты разобьют иконные.
Не того я попросил у Бога,
Чтобы всюду мне дорога скатертью,
А любви я попросил немного.
Заступления у Божьей Матери.

В прах и порох прохоря
Истрепались — все проходит,
И на выходе горят
Огоньки людских агоний.
Синих пиний витражи,
Линии судьбы глубокие
На запястьях. И ножи
Точат девки черноокие.

А в колодце звёзд нема,
Чтобы там не говорила
Философская тюрьма
И горбатая могила.
Только смеха островок
В море откровенной жути,
Мира красный поплавок,
Как в осадном Бейруте.

И с утра уже звонят
В колкий колокол зелёный.
Это ангелы трубят
Серебристыми айфонами.
Значит, быть журбе вселенской —
Откровения вспомнились.
Очи звёздами наполнились
Или же слезами детскими.

В кашне по самый нос укутанный,
Стою, как баба на Привозе.
Расчесываю мысли, спутанные
На удручающем морозе.
Я, как Раскольников, раскаялся,
Расплакался, как Несмеяна.
А с Пушкиным Дантес расправился
За слезы горестной Татьяны.

Пора застолий и застоя,
Переходящего в овации.
Вас много. Вас, конечно, Трое.
Не грех в трёх соснах потеряться.

Когда летят стрижи под стрехи,
И чуден ледоход на Каме,
Ты выставляем на потеху
Своими детскими стихами.
А простота сродни лукавству.
Ничто не чуждо человеческое
Спасителю и живодавцу
В его неизъяснимой вечности.

Расторгнешь языка оковы,
В довременную прорубь прыгнешь.
А там хоромы и альковы
Похлеще некоторых нынешних.
Санскрит царит, и на кол головы.
И в горло льется медь и олово,
Чтобы у Бога было Слово,
И нам уже не знать иного!

А если Пушкин, то Соснора
И прочие с повадкой птичьей,
Берущие свои соноры
Из сумрачного безъязычия.
Дитя у слишком многих няnek,
Невыплеснутое до конца,
Поэзия — печатный пряник
С медовым привкусом свинца.

Разобьюсь об лёд, как рыба,
От великого терзанья.
Сила атомного взрыва
Бродит в поле под Рязанью.

Там колокола отлиты,
И грехи отцов отмолены.
Карта мира Кантом бита,
Невзначай под стол уронена.
Две макушки у церквушки.
Крестишься на обе сразу.
Пушкин — черт голубоглазый
Нам на царствие помазан.

Снова наши Палестины,
Палисадники снаружи,
А внутри снегов грустины,
Именины белой стужи.
Рыжий пес на куропатку,
Варвар на фасады Рима —
(С ястребиною повадкой,
Что уже неистребима)
Я смотрю вослед украдкой.
И в тоске необъяснимой
Ты проходишь без оглядки.
Как всегда, проходишь мимо...

IV. «КУПЛЮ ВИНИШКО В МАГАЗИНЧИКЕ...»

Таежный край, дремучие леса,
Смех топора плывет над Камой.
А осень набивает туеса
Морошкой и заклеивает рамы.
Домохозяйки смотрят сериал
И горько о любви вздыхают,
Давно их так никто не целовал.
Листву в охапки дворники сметают.

Сшивают травы швы бетонные.
Во рвах их купы проржавели.
И ладятся мосты понтонные
Через обрушенные мели.
Емеля, не мели, но слушай:
Журавль в небе лучше танка,
Что по траве ползет болванкой
И травит газами удушливыми.

Ты оставляешь поединщика,
Который приз добыл рисковый.
Куплю винишко в магазинчике
И буду весел и раскован.
И никаких стихов, клянусь...
Но в голове опять роятся
То ликование, то грусть,
И с этим поздно разобраться.

V. «СВЕТ ОТКЛЮЧАЮТ ПО ТРЕВОГЕ...»

Свет отключают по тревоге,
Успеть в подвале притулиться.
Смотреть, как улица двоится
И кружится. Как вереница
Автобусов и фур стремглав
По главной улице с сиреной.
И от кутюр из балаклав —
Сигнал рассерженной Вселенной.

Эта осень — волчья сыть,
Промах щучьего веления.
ГОЭЛРО небесный Ленина,
Темноты не пережить.

Как юродивый святой,
Переулки крестит тополь
Город наскоро заштопан
Молнии стальной иглой.

На зорьке мокро и прогоркло.
Я думал о тебе так долго,
Что высохли следы морщинок,
И молоко снесли на рынок.
Шуршит в кустах промозглый дождик.
И дворник пьет ясновельможный.
С листвой он просто поступил —
Как Жанну, на костре спалил.

Любовной драмы отголоски —
Детишки милые такие,
У мамочки животик плоский,
И самый маленький бикини.
На форточках коты — домушники,
Айтишники горбятят спины,
Прядут, как пауки бездушные,
Тоски всемирной паутину.

Топор, кровавая рубаха,
Вчера казнили Пугачева,
Так Пушкина и не прочел он,
Взойдя на плаху.
Ведь мог прослышать о Толстом
Наполеон под Ватерлоо.
Рыбак под Лондонским мостом
Все ждет улова.

Тулузлотреком окаянным
В кабаке осенний пьяным вломишься:
«Сей час сюда подайте скромницу
Читать хадисы из Корана!
Сююмбике из башни проклятой,
Шахерезаду из Иваново».
И роща поминает шепотом
Неврозы грозного Ивана.

А вот и снег нагрянул в рощи,
И добираться стало проще
В один сомнительный приют,
Где мало едят, много пьют.
Закуска на столе, вино.
С кофейной челочкой дивчина —
Вирсавия, не то Марина,
Какое грустное лицо!
А речь течет неторопливо.
Танцуют парубки от печки.
Глаза, как восковые свечки,
Мерцают сухо, неслезливо.

А все же снег нагрянул в рощи —
Как участковый вперся в душу.
Теперь престало бить баклуши
(Чего уж проще?)
И слушать снегопада тихий,
Потусторонний разговорчик.
Так говорят стихами дворничихи —
Анапестом или пиррихием.

О, сколько до весны открытий
Еще сугробы обещают,
Любовей пылких и наитий!
Медведей жалко — отощают.

Обильных возлияний с другом
Моя подруга не прощает,
С любовью борется наука,
Но ничего не обещает.
Ей обнищать самой придется,
Борьбы не выдержав с театром.
Смеется розовое солнце,
Горит на верховине ватра.

Ранение. Кремлевский выстрел.
Радение. Хлыстовский выкрест.
В овраг упала колокольня.
Разбила кумпол, но не больно.
Не собрала костей наивных.
Наносит ей мороз узоры
На лоб кустодиевский розовый,
На профиль дивный.

Наносит тонкие порезы,
Как ушуист по сухожильям.
Спят серебристые березы,
Горчит степное чернобылье.
И мнится: без дорог по гатям
Идёт зима в сапожках аленьких —
Сафьяна бы не замарать ей,
Когда приличествуют валенки.

Не мотоцикл — моноцикл
Теперь на Киеве в почёте.
В семье не без урода, тётя,
И вы, конечно, вне артикула.
А я не то, чтобы советский,
Но свойский, по-простому, чуткий.
Не то, что эти прибаутки.
У них в Прибалтике немецкой
Все продано за медный грош,
Все куплено. Айда в киношку!

Гляди-ка: там над горизонтом
Большие тучи грозовые,
Не раз воспетые Кобзонтом
Озимые и яровые.
В них все земное отразилось,
И с новой силой изумительной
Вдруг на мгновенье прояснилось,
Как в предложенье вопросительном.

Приходит время телогреек,
Буржук. Буржуа свалили —
Остались перья канареек
И запах приторный ванили.
Ветра гибридные крепчают.
Свет постоянно отключают,
Печальный кустик молочая
Полезней лучшего врача.

Крепостной души отрада —
Покрова и Юрьев день.

Белых хлопьев мириады
Собираются в метель.
Вновь завьюжит по проселкам,
Понесется вдаль и ввысь
Весть благая, а в светёлке
Ёлка детская, зажгись!
Будет, будет угощение,
Прёщенье или прощенье,
Счастья скромный уголок,
Ангелок на Благовещенье.

VI. «И ВСЕ ЖИВЫЕ!»

Пойдём со мной, весёлый день.
Тень под тобою уже ляжет.
Уже не пишется на пляже
По щучье-моему хотенью.
И листьев рыжие вихры
Торчат из сонных подворотен.
Блэкаут — не хухры-мухры,
Страх затемнения животен.
Тревожных новостей парад.
Надсаден лад сирен ревущих.
Закружит белый снегопад
Снежинок ангельские души.

Развод мостов не по часам —
По вехам, по столбам дорожным.
Вот это будет красота —
Упасть в морошку красной рожей.

Как заповедь, храню тебя,
Тебя одну на все столетье,
Чуприну нервно беребя —
Не пожелать, а пожалеть бы.

На Оболонский очерет
Встаёт громадой зимний черт.
Руби сполна и допяна,
До проруби, до дна, до дна.
Грусть в рукавах висит плетями
И плачет на плакат кистями
И пьет из лужи сны кривые.
И нет войны. И ВСЕ ЖИВЫЕ!
Дорога дня пуста, целинна,
Не перегнать ей ночи длинной.

VII. ЭЛОХИМ

Ясный пане Элохим,
Принеси любви морошку,
Будем стряпать понемножку
В пору бесконечных зим,
Чтобы черствая душа
Даже на морозе таяла.
Чтобы резать без ножа
По сердечному металлу.
И вотще не горевать,
Зная обещаниям цену,
Залезая под кровать
От безжалостной сирены.

Добрый доктор Элохим,
Отчего недуг так труден?
Головы моей на блюде
Жаркий пламень, горький дым.

Добрый ангел Серафим,
Прилети в мою светелку,
Рим объяли кривотолки,
Только Ты неукротим.
Правишь правые дела,
Злых — на красную морошку.
Чтобы совесть привела
В Серафимову сторожку,
Где медведи-кузнецы
И река — кисель и млеко.
Золотые узельцы
Для Адама-человека.

Фантастических князей
Фиолетовое око.
Недоверчивых друзей
Ты за мягкое потрогай,
И прольется милый свет,
Незапамятный снаружи,
Вереск детства, бересклет
Сердце бедное завьюжит.
Чтобы бойкая гроза
Все вопросы прояснила —
Кто шестерка на туза,
Кто — неведомая сила?
Будет пули страшный суд,

Слезы, с Манькой расставанье,
Глубина сибирских руд
И цыганское гаданье
По руке, а там — гляди:
Перламутровые ветры,
Все иконы впереди
И оконные просветы.
Робких пальцев поцелуй,
Губ неосторожных лотос.
Во дворце стеклянных бурь
Ждет печальная Атропос.

Из далёких Палестин,
От усохшего Арала,
К вам с коробкою гостин-
цев, чтоб каждому достало,
В гости старец Филофей,
Согревающий пустыню.
Вицин кормит голубей —
Подает им благостыню.

Баратынский говорил,
Пушкин вдохновенно слушал.
Урожден Владимир был
Бедной ключницей Малушей.
Угасите воронья
Грай в головушке трескучей,
Отымите от нея
Повод петли неминучей.
Пусть язычествуют всласть
Молодой зимы трезвоны,
И расцветчивают наст
Янтари её короны.

VIII. «НА ПОКРОВУ ПРИДУ К ГУБАНОВУ...»

Погода не мычит, не телится,
Похолодания не вышло.
И осень ангельская теплится
В садах понурых, пьяных вишнях.
На ежедневную молитву
Я без зазрения меняю
Дорог укатанные рытвины
И дребезг позднего трамвая.
Веди меня, вселенский дервиш,
И самогонкою пои.
Есть где-то Мировое дерево
И белый остров Рапануи.
На Оболони, за урочищем,
За тем кессоном раскуроченным
И заведеньями питейными
Лежат ничейные владения.
На островах песчаных зыбких
И в перелесках хрупких, хлипких,
Страдающих от желтизны,
Любил гулять я до войны...

На Покрову приду к Губанову,
В светелку загляну скрипучую.
Вот прялка, чтобы выткать заново
Страну прекрасную могучую,
Где молодость свечой закапана,
Где отправляют по этапу
И дышит оттепель на ладан
Среди кирпичного надсада.

Необъяснимая случайность —
Закономерность или блажь.
Любовь простая, как грильяж,
Поставим на конфорку чайник
И будем за победу пить
Простой чаёк с цветочным мёдом,
По небу синему ходить
Всем богоизбренным народом.

Рукав пустой у Оболони,
И гимнастерка ветром трачена.
Луна в пол-озера маячит,
И Киев-град как на ладони.
Что внукам на ночь он расскажет?
Какую сказку и предание?
Художники на вернисаже
Как будто агнцы на заклание.
Оболонь уснула,
Утром не проснулась.
Будто бы почуяла,
Загодя разулась,
Перешла как посуху
Зеркало залива,
Напилась без просыху
Белого налива.
Острова пустынные,
Желтые откосы,
Головы невинные,
Кудри непричесанные.

Солдат надел тугой протез,
Березы соками заплакали,

Война и мир — не антитеза,
Толстого до смерти залайкали.
Войнушка на миру красна,
И видится на расстоянии
Большого мира кривизна
И алой крови излияние.

IX. МАНЕ, МОНЕ

Он видел потревоженные тени,
Прикармливал, как голубей, слова.
В Ахматовско-Цветаевских коленях
Больная утопала голова.
А снявши голову, по волосам не плачут,
Подумаешь, невинный пустячок.
И счёты сведены, счета оплачены,
Но ждёт его Большой Переучёт!

Мане, Моне — какая разница?
Контркультура передразнена,
А новое наступит позже
Назло официальным рожам.
Мы — удобрение для праведных,
На черный шабаш и шабаш!
Мы — поколение раздавленное,
С лучком раззолотое в фарш.

X. В ПОЛУПОДВАЛАХ ЩЕКА И ХОРИВА

Когда весь город тьмой объят священной,
И тротуары скользкие — крушители колен —
Порядок свой наводят у пельменной,
И заколочен метрополитен,

Я выхожу из мрачных подворотен.
Луна избранника на подвиги зовет.
Как самолеты на автопилоте,
Садятся рыбаки на тонкий лед.

В конверт сложились небеса.
Кто адресат, кто отправитель?
Витают сонная оса,
Через луга идёт слугитель
В свой старый деревянный храм.
Дрожит полуденное марево.
И человечеству пора
Науке жить учиться заново.

Над жизнью долго размышлял
Безусый востроглазый Вечер.
Не уберется он зеркал
И загрустил по-человечьи.
В полях мелькают миражи,
И тополя по грудь в поземке,
И несветимая лежит
Тьма на серебряной иконке.

Расчет был верен — кутерьма
Предвосхитила тишь заутрени.
А лес еловый, как тюрьма.
Молитвы и следы запутаны.
Дрожат от холода дома
Разбомбленные и немые.
Идёт монашкой зима,
А с нею праздники хромые.

Скоропостижная капель.
Снегов задумчивая талость.
В законопаченную гжель
Тайком вернулась солнца шалость.
И вот царит по первопуткам
Такая вешняя веселость,
И гром, как Божья прибаутка,
И свет по радостным проселкам.
И крики птиц из поднебесья —
Опять, как встарь, как вспять ручьи.
Мечты чудесного Полесья
В обрывках розовой парчи.
Уйдёт в кивоты и лампы
День строгий, солнечный, безгрешный.
Мы будем счастливо всеядны
И тайно влюблены, конечно.

Человек не звучит гордо,
И нутро у него страдающее.
Мы с тобою, друг, прошагаем ещё
По гремучим дорогам города.
Ещё выпьем бульона с гренками
В древнеримской пустой таверне.
Рассуждая захлеб о времени,
Снимем с ранней зари пенки.

Чёрный повойник беды.
Ночь разлеглась гетерой.
На голубые льды —
Лебеди и химеры.
Кто же, если не мы?
Время идёт зигзагом.
Евангелие от Фомы.
Ангелы с алым флагом.

СПАСЕНИЕ БАБОЧЕК

* * *

Солнца, солнца-то сколько, гляди, намело,
Из пустыни надуло.

И уже не спасает двойное стекло
От вселенского гула.

Не пришёл, не увидел, не победил.

Все пошло не по плану.

И дороги ведут через призрачный Рим
К океану.

* * *

Песок и сосны. «Океанская».
Воспоминания замылены,
Канцона неаполитанская
По радио. Сирены выли
Сегодня с большим напряжением,
Как будто мальчик кошку мучил.
Жизнь — хаотичное движение:
Так в поднебесье ходят тучи.

* * *

Залецики, Заставна, Кіцмань —
Названия-то все какие!
Храм униатов у реки и
Смуглеющие зримо лица
По мере продвиженья к югу.
Гремит нагруженная фура
С гуманитарным от кутюром
И чадом обдает округу.

* * *

Озекерит печёт и греет.
Прикладываю к давней ране.
Имеет или не имеет
Сон отношение к нирване?
Добавьте серы в эту ванну.
Мне не хватает чёрной жёлчи.
Она по телу растечётся.
И будет Марья без Ивана.

* * *

Ни марша, ни белого платья.
Лишь мускусный дух конопли.
Тебя заключают в объятия
Мохнатые лапы земли.
И душно тебе, и тревожно.
Надейся на русский авось.
Отныне все станет возможно.
Все сбудется, что не сбылось.

* * *

Тщедушный ветерок повеял.
А лето линзой жжёт посевы.
Прогуливаются по аллеям
Гуцул Адам с цыганкой Евой.
Земля вспотела и огрузла.
Скисает виноград, и льется
В сосуд процеженное сусло.
Вино «дублянским» назовется.

Спасение бабочек

Отроешь окно пошире,
Стараясь выгнать пленниц,
Чтобы витали в эфире
Миниатюрные мельницы.
Но что-то их отвлекает
От собственного спасения.
Свобода теперь пугает
Возможностью воскресения.
Просто их срок подходит,
Полет бесполезный труден.
Они покорились природе,
Как некоторые люди.

Гроза

Среди полей под ноль распаханых,
Среди степей, как пах распахнутых,
Лугов бескрайних посреди
Рождается гроза жестокая,
Огрузлая и черноокая.
Бегут зарницы впереди.
Она идёт на нас Батыем.
Не спят синоптики святые,
Полночные лампы жгут.
Гремят раскаты громовые,
Верёвки рвутся бельевые —
Последний падает редут.
И туча железобетонная
Висит, как бомба многотонная,
Готовая вот-вот взорваться.
Куда бездомным псам деваться?

* * *

Горчат Чернобыльские воды,
Не спит Уханьское чудовище.
Полно для пессимизма поводов,
Но зеленью покрылась роща.
Нашлось простое оправдание
Всему, что в бозе почивает.
Сдержите горькое рыдание.
Чудес на свете не бывает.

* * *

Горит сиреневая роща,
Весенним пламенем объята.
Жуют траву коровы тощие.
А над плетнем Иисус распятый.
Слова цветочного Евангелия
Пастух выкрикивает вяло.
Кто в Бельгию бежит, кто в Англию.
Его к округе припаяло.

* * *

Собакой куцый хвост виляет.
И поделом! Язык не тётка.
Не доведёт до Шауляя,
Его легко развяжет водка.
И понесутся вдаль терцины,
Как стая птичек перелетных.
Но не придумали вакцины
От слов зовущих искрометных.
Ещё не до конца понятны
Законы смыслоумножения.
Стихи тягучие приятны
На грани тьмы и поражения.

* * *

Черновцы мои, чернобривцы.
Буковинских Карпат отроги.
Капитально мостили фрицы
Заколдованные дороги.
Эпохальная ждёт болтанка
Одинокого пилигрима.
Смуглолицая половчанка
Без зазренья проходит мимо.

* * *

Да здравствует осенняя хандра
Полезная для нервного здоровья.
Холодный лес, как призрак малокровья,
Качается у сонного одра.
На площадях не видно голубей.
Они нахохлились и погрустнели.
И ветер обжимает все грубей
Бесстыжие аллеи.

* * *

Улыбку нежную твою
Люблю, как сахарную осень.
Ей величальную пою
Меланхолично и гундосо.
Слезой горючей омочить
Подушку — это ли не пошлость?
Мой сон — пузатый плод бахчи
С янтарной косточкою прошлого.

КИТАЕВА ПУСТЫНЬ

* * *

В край малиновый, калиновый,
Непроезжий, непролазный
Я, как Авель неповинный,
Или Каин буржуазный,
Заглянул: трава по пояс
Жёсткая, не то, что в песне.
Речка чистая, как совесть.
И глаза на мокром месте.

Китаева Пустынь

Когда в Китаево поеду
Святыни посетить живые,
Заскачут галки-непоседы,
На корки зарясь дармовые.
Зардеют дальние пещеры
И облаков нетленных мощи.
И листопад, как символ веры,
Смирненно восприимет роща.

* * *

Ничто не делится на ноль,
Но умножается.
Ты заказную бандероль
Прими, пожалуйста.
Я заведу подаркам счёт
На будущее.
Ах, осень, не лети вперёд,
Побудь ещё!

Зима

С черновиками вмиг покончено.
Все набело. Нельзя налево.
И, если юность присмирела,
То старость до весны отсрочена.
Кто любит слякоть, пост и бдение,
А кто весёлую ангину,
И учащенное биение
Сердец, и всплеск адреналина.

* * *

Рыбешку ловит бывший бонза
Партийный на пруду зелёном.
Закат, как персик, нежно розовый.
Забор чудовищный рифленный
Вкруг дач дворцовых скороспелых,
Великолепных новоделов —
Свободы грустный эталон,
Как бельведерский Аполлон,
Стоит. Весна идёт на убыль.
Крепчают ветер, вера, рубль.
Жужжит сиреневый жучок
И попадает в сачок.
Идет на убыль все худое,
И старое, и молодое.
И в этой адской свистопляске
Не время мыслить верхоглядски...

* * *

Маршрутка трудится, скрипит
На вышедших в тираж колёсах.
У пассажиров жалкий вид —
Мигрень от проклятых вопросов.
Они трясутся 6 часов
(Дороги не дают поблажки)
Вдоль синих пихтовых лесов,
Себе отсидывая ляжки.
Тернополь, как труба, трубит
Тревогу и отбой тревоги.
Водитель смотрит на дорогу.
А сменщик в две ноздри сопит...

* * *

За перекрестком дождь и слякоть.
И лето — блеф. Пиши пропало.
Пищи, как мышь. Укусишь локоть,
И забытья как ни бывало.
Шуршит листва. Гундосит осень.
И воронье ей густо вторит.
А бабье лето — бабой с возу.
Другая дама нас пришпорит
Ветрами злыми заливчатскими,
Вестями срочными дурацкими.
Треух достанешь из ларя —
Теперь навроде глухаря.

* * *

Как для ребёнка шоколадка,
Мне голос твой.
Звони, звони по мне украдкой
Чугунный колокол над синею Москвой!
На этот зов густой слетятся утки,
Как на рожок.
Я селезень с зеленой грудкой.
Я твой дружок.
Поднимется охотника немецкая двустволка.
Уйдёт патрон
В холодный лабиринт таинственный и звонкий,
Как летний сон...

Фигура речи

Апостола простым-проста
Фигура речи до креста.
Там начинается обрыв
И высший смысл, нервный срыв,
Тень в ясный полдень набежавшая,
Уснувшая в саду сирень,
И молоко подорожавшее,
И завывание сирен.

ГОЛАЯ ПРИСТАНЬ

* * *

Страна иная. Запрокину
В небесный ров башку весёлую.
И по-коровьи выгнет спину
Большая радуга проселков.
Страна Инония сердешная,
Колбасок гамбургских причастие.
Густой асфальтовый валежник
И золотая педерастия.
Приветствую твои развалины
И равелины с равиоли.
Голубоглазых звёзд проталины,
Сирен истошные триоли.
Все любо мне, а все неймется,
Как будто сердце не на месте.
Как наше слово отзовется,
И с кем напьемся по приезде?

* * *

О.Н.

Скажи, весёлый друг, когда
Утихнет в небе перестрелка,
Потухнет мутная звезда,
Дорог исправит недоделки
Усталый мэр? Не говори
Лишь слова матерного всеу.
Давай пить водку до зари,
А Сологуб нас нарисует.

* * *

Поэт не больше, чем поэт,
И часто мордую в салат,
И нет признания, как нет,
Нет белокаменных палат,
Но речь, конечно, об ином —
О самолюбии больном
И мрачной думе о былом,
Слезой залитой и вином.

* * *

Махну в чужие палестины,
В те, что спокон в лесах ховались,
Пройду тропой через теснины,
Вершин миную снежный глянец,
Увижу пред собой огромный
Мир обветшалый, мир свободный,
Где бродит варвар вероломный,
Не рóдит житель сумасбродный...

* * *

Облака разрывает надвое,
И трясётся земля плоская.
Если будет война с Англией,
Мы, конечно, сдадим Косово.
И уйдет из-под ног шарик,
Черепаша с китами скользкими.
Мне не нужен другой подарок —
Только б видеть твой профиль польский,
Целовать твои губы мраморные,
Но не греческие упрямые,
А родные припухлой вишенкой.
А любовь как всегда лишенка.
Не хватает ей лоска пьяного,
Золотого кольца с бриллиантами
И пустячной сердечной раны
Под таинственный бой курантов.

* * *

Скажи на милость! Нет, не говори,
Или скажи. И так до беспорядка,
Сумбура, до каленой зги зари
И простыней по-утреннему смятых.
Чай с мятой и нарезанный батон,
Твоя рука на скатерти смуглеет.
Затон одесский, длинный как питон,
Куяльник, что никак не обмелеет...

* * *

Такое времечко пришло
Миндалевидное, степное.
И барабан войны большой
Гремит призывно над страную.
Все подкомории воспряли,
На кресы наточили лясы.
Бока давненько им не мяли
И пушечным не называли мясом.

* * *

Осень. Тонкий ледок.
Зайца робкий следок.
Холод дольных зыбей,
Город, больно ль тебе
Оттого, что взрывной
Накрываем волной,
Оттого, что пустырь
За Берлинской стеной?

ХЛЕБ, СОЛЬ, МОЛОКО

* * *

Войны огонь, а мы киоты.
Светится благодатный день,
Когда по пахоте пехота
И каску взрывом набекрень.
Но цел-целешенек. Иконка.
А сердце — верная мишень.
И чёрные грачи вдогонку
Наглядным символом лишений.

* * *

Что знают круглые колени
О скушных правилах приличия?
Смешны серьезные намерения,
Курьезна мания величия.
Ведь мы с тобой разновре́мённы,
И наши силы разновекторны,
А на просторе белопенном,
Как прежде, ветрено.

* * *

Сегодня ветрено, и волны палимпсеста
Накатывают гулко. Через время
Я расскажу тебе, царёвая невеста,
Как имя вырезал твоё на дереве.
Все рушилось кругом. Дома-киоты,
А в них икон задумчивые лики.
В лазури серебрились самолёты,
Как гуси-лебеди в славянском архетипе.

* * *

Храни меня, мой архетип
И монотонный глас псалтири.
Да будет свет в шестой квартире
Войны кровешной посреди.
Вселился лес в грачей и крачек.
Потек по венам сок берёзовый.
Страна под действием наркоза
И сумасшествия в придачу.

* * *

Моя любовь чадит и тлеет,
И крыша черная провалена.
Пожары душу не согреют —
Всё — головешки да окалина.
Торговый центр «Динамит»
Сожжен боярыней Морозовой.
Толпа досужая шумит,
И лица от мороза розовы.

* * *

А птицелов, как Дионис,
Сиял незримыми доспехами.
Катились мы с тобою вниз,
Катились по́д гору с орехами.
В прорехи сна — жемчужный день
С хурмой и мелкими проделками.
Тень находила на плетень,
Шёл мелкий дождик в Переделкино.

* * *

С фенербахчи собравши дыни,
Помолимся о дикой родине,
О церкви истинно единой
В Метохии и Воеводине,
О винограде нежно-розовом
И крови, капающей в чашу.
О всех почивших прежде в Бозе,
Зерном в сырую землю павших.

* * *

Подует ветер. Киеву вдомёк
Его блатные дерзкие порывы.
Затеплится всегдашний камелёк
В полуподвалах Щека и Хорива.
Сорвутся с крыш лежалые года,
Обрушатся на головы прохожих,
Не причиняя страшного вреда —
Лишь делая их пасмурней и строже.

* * *

Стелился утренний туман.
Земля с людьми тепло прощалась.
Ей пруд поднес воды стакан
К губам — она заулыбалась.
Завьюжит скоро, заснежит,
По целине поскачет заяц.
И снег, что хорошо лежит,
Смягчит страдание, как смалец.

ВЕРХНИЙ ВАЛ

* * *

Сон наяву и явь во сне.
Стихи румяные, как булки.
И нервный смех, как первый снег,
Летит в глухие переулки.

Там край чудесный, говорят:
Дацаны, флаги, позументы.
И ламы под горою спят,
Цветные смотрят киноленты.

* * *

Вот и веселья кот наплакал,
Но плач и стоны — Богу в уши.
Так хочется тропарь послушать,
Кулич на стол поставить лакомый.

Из темноты следить, как свечи
Неумолимо исчезают,
Как золотистый луч пронзает
Нагое тело человеческое.

* * *

Сквозь призму времени, его большую линзу
Посмотришь на сады и огороды —
Поля зелёные навроде антиминса
На стёртом алтаре природы.

Ночь напролёт читаются кафизмы,
Пейзаж хранит задумчивую вольность:
Гранитный вал — в нем потайная полость,
И гидра притаилась коммунизма.

* * *

Трамваи редкие бегут по адресам,
Стуча колёсами, звеня резьбою.
Валы, исчезнувшие как универсам,
Дым над трубою.

И за́ день Киев вряд ли обойдёшь,
Но внутренним окинешь оком,
Лишь засияет утренняя брошь —
Пятиконечная звезда востока.

* * *

Сбегаёт мрак с расчесанной листвы.
Как хорошо, что запоздалым утром
Спешат друзья в машинах легковых,
А девушки размазывают пудру.

Веселый дождь. И грузный самосвал
Увяз изрядно в яме здоровущей.
И диктор бодрым голосом призвал
На зорьку пионерскую живущих.

* * *

На Троещине салюты
Расцветают пышным цветом.
Моряки плывут в каютах
К изумрудному рассвету,

К морю Чёрному иссиня,
К свежепойманым любимым.
Машет девушка-разиня.
Корабли проходят мимо.

* * *

А я по пустошам шагаю,
Не по Москве, не по Шанхаю —
По белому песку речному,
По млечному пути ночному.

Ах, мне довольно сосен трёх,
Чтоб заблудиться курам на смех,
И карту мира гуглить наспех,
И выходить к жилью на брех.

* * *

Заря забрезжила впотьмах,
Иная наступает эра,
Где нет ни эллина, ни пионера,
Ни Меркеля, ни ГДРа,
Ни Пушкина в 16-ти томах.

СОДЕРЖАНИЕ

Покрова. Поэма	7
----------------------	---

СПАСЕНИЕ БАБОЧЕК

«Солнца, солнца-то сколько, гляди, намело...»	29
«Песок и сосны. “Океанская”...»	30
«Залещики, Заставна, Ки́цмань...»	31
«Озекерит печёт и греет...»	32
«Ни марша, ни белого платья...»	33
«Тщедушный ветерок повеял...»	34
Спасение бабочек	35
Гроза	36
«Горчат Чернобыльские воды...»	37
«Горит сиреневая роща...»	38
«Собакой куцый хвост виляет...»	39
«Черновцы мои, чернобривцы...»	40
«Да здравствует осенняя хандра...»	41
«Улыбку нежную твою...»	42

КИТАЕВА ПУСТЫНЬ

«В край малиновый, калиновый...»	43
Китаева Пустынь	44
«Ничто не делится на ноль...»	45
Зима	46

«Рыбешку ловит бывший бонза...».....	47
«Маршрутка трудится, скрипит...»	48
«За перекрестком дождь и слякоть...»	49
«Как для ребёнка шоколадка...»	50
Фигура речи	51

ГОЛАЯ ПРИСТАНЬ

«Страна иная. Запрокину...»	52
«Скажи, весёлый друг, когда...».....	53
«Поэт не больше, чем поэт...»	54
«Махну в чужие палестины...»	55
«Облака разрывает надвое...»	56
«Скажи на милость! Нет, не говори...»	57
«Такое времечко пришло...»	58
«Осень.Тонкий ледок...».....	59

ХЛЕБ, СОЛЬ, МОЛОКО

«Войны огонь, а мы киоты...».	60
«Что знают круглые колени...».....	61
«Сегодня ветрено, и волны палимпсеста...»	62
«Храни меня, мой архетип...»	63
«Моя любовь чадит и тлеет...»	64
«А птицелов, как Дионис...»	65
«С фенербахчи собравши дыни...»	66
«Подует ветер. Киеву вдомёк...»	67
«Стелился утренний туман...»	68

ВЕРХНИЙ ВАЛ

«Сон наяву и явь во сне...»	69
«Вот и веселья кот наплакал...»	70
«Сквозь призму времени, его большую линзу...»	71
«Трамваи редкие бегут по адресам...»	72
«Сбегает мрак с расчесанной листвы...»	73
«На Троещине салюты...»	74
«А я по пустошам шагаю...»	75
«Заря забрезжила впотьмах...»	76

Літературно-художнє видання
СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»
Заснована у 2023 році

Андрей Гуцин
ПОКРОВА
(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. № 2604
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 5
Гарнітура «Arial Narrow».
Підписано до друку 28.07.2023 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

АНДРЕЙ ГУЩИН — поэт, главный редактор международного литературно-художественного альманаха «Новый Гильгамеш». Живет в Киеве. Автор поэтических книг «Атлантические песни» («Траверса», М., 1999), «Солнечный остров Буян» («Водолей», М., 2012), «Сизиф на вершине» («Алетейя», СПб., 2018), «Оболонь и окрестности» («Друкарский двор Олега Федорова», Киев, 2022). Публиковался в журналах «Интерпозия», «Нева», «Крещатик», «Новый Свет» и др.

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА**

9 786178 252229